

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

П. П.

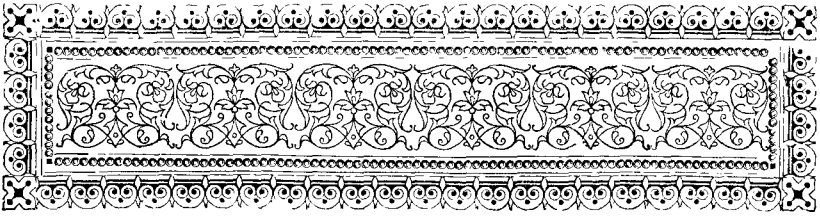
**ЧТО ТАКОЕ АСКЕТИЗМ?
(ПО УЧЕНИЮ
СВ. ВАСИЛИЯ ВЕЛИКОГО,
В ОТВЕТ
НА СОВРЕМЕННЫЕ
СУЖДЕНИЯ И ТОЛКИ)**

Странник, 1985, № 11, с. 373-413

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

ЧТО ТАКОЕ АСКЕТИЗМЪ?

(По ученію св. Василія Великаго, въ отвѣтъ на современныя сужденія и толки).

АСКЕТИЗМЪ — вотъ явленіе человѣческой жизни, которое въ одно и то же время можетъ быть названо явленіемъ старымъ и новымъ, — старымъ потому, что начало его исторіи теряется въ глубокой древности рода человѣческаго, еще за нѣсколько вѣковъ до Р. Х., названіе же новаго ему усвоится за то, что толки о немъ продолжаютъ существовать и до сего времени, все болѣе и болѣе усиливаясь и все сильнѣе и сильнѣе затрогивая головы какъ простолюдиновъ, такъ и лицъ съ философскимъ складомъ ума. Въ древнемъ мірѣ представителями аскетизма были индійцы, отчего и по-нынѣ Индія считается родною аскетовъ, колыбелью, гдѣ особенно развилось и сформировалось міросозерцаніе, извѣстное под именемъ міросозерцанія индійскихъ факировъ. Не задолго до Рождества Христа Спасителя аскетовъ насчитывалось большое количество во всѣхъ странахъ тогдашняго міра, но особенно ихъ много находилось въ египетскихъ пустыняхъ;

подвижники, населявшіе эти мѣста, назывались оерапевтами, или потому, что они, подобно врачамъ духовнымъ, наблюдали за душами приходящихъ къ нимъ людей и врачевали ихъ отъ злыхъ страстей, или потому, что „служили Богу служеніемъ чистымъ и искреннимъ“¹.—Съ христіанствомъ,—съ распространіемъ универсальной и спасающей „силы Божіей“, аскетизмъ получилъ еще большее развитіе и распространіе. Мѣстомъ, гдѣ особенно развивалась и развивается, процвѣтала и процвѣтаетъ аскетическая жизнь, являются монастыри, устраиваемые и въ пустыняхъ, и въ селеніяхъ.—Еще въ глубокой христіанской древности славою аскетовъ, людей, совершенно отрехшихся отъ міра и его прелестей и упражнявшихся въ добродѣтели, пользовались Павелъ Фивейскій, Антоній Великій, Пахомій Великій и др. Въ отеческій періодъ (съ IV вѣка) воплощителями заповѣди о самоотверженіи, нестяжательности и слѣдованіи за Христомъ были почти что всѣ столпы церкви Господней и между ними особенно—Василій Великій, Григорій Нисскій, Исидоръ Пелусіотъ и др. По примѣру церкви восточной и наша русская церковь также выставила нѣсколько мужей, искавшихъ спасенія аскетическимъ путемъ, лицъ, тоже отличавшихся полнѣйшею нестяжательностью и перенесшихъ множество подвиговъ, по характеру совершенно сходныхъ съ тѣми подвигами, которые выпадали на долю восточнымъ подвижникамъ. Въ этомъ случаѣ достаточно вспомнить—свв. Антонія и Θεодосія пещерскихъ угодниковъ, св. Сергія чудотворца радонежскаго, Серафима—старца Саровской пустыни и недавно скончавшагося епископа Θεофана, аскета по призванію и по жизни. Но если всѣ перечисленные и имъ подобныя лица принадлежатъ къ инокамъ и іерархамъ, проходящимъ подвигъ аскетизма въ монастыряхъ или пустыняхъ, то на ряду съ ними были люди и въ „свѣтскомъ званіи“, живущіе въ тѣхъ же условіяхъ, что и громадное большинство рода человѣческаго, и тѣмъ не менѣе ведущіе борьбу съ плотію. Много такихъ примѣровъ

¹ Евсевій кесар. Цер. исторія, кн. 2-я, гл. 17.

можно видѣть у Иринея¹, Оригена², Кириана³, Епифанія⁴, Иеронима⁵ и другихъ.

Въ силу того, что аскетизмъ есть явленіе распространенное, оставившее слѣды какъ въ языческомъ, такъ и христіанскомъ мірѣ, есть фактъ, зависящій и обуславливаемый какъ Евангеліемъ, такъ и всякимъ другимъ вѣроисповѣданіемъ, думалось бы, что относительно его не должно бы быть никакихъ сомнѣній и недоумѣній, казалось бы, что вопросъ объ аскетическомъ образѣ жизни долженъ быть рѣшенъ давно въ положительномъ смыслѣ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. И теперь, какъ и прежде, касательно его, можно сказать, существуетъ столько же мнѣній, сколько существуетъ и мыслящихъ индивидуумовъ; и нынѣ, какъ и во времена Василія Великаго, аскетизмъ или совершенно отвергается, или оспаривается, — особенно же оспаривается самостоятельность христіанскаго аскетизма.

Но каковы же частныя недоумѣнія и возрѣнія относительно аскетизма?

I.

Къ первой категоріи должны быть причислены тѣ люди, которые враждебно относятся къ аскетизму, какъ жизни особаго рода. Являясь противниками аскетизма, эти лица въ основаніе своего мнѣнія приводятъ слѣдующія положенія. Во-первыхъ, аскетизмъ, по ихъ понятію, слишкомъ эгоистиченъ и индивидуалистиченъ; онъ составляетъ изъ себя прямую противоположность альтруизму, даже прямо исключаетъ совокупность чувствъ, которыя могли бы побудить и расположить человѣка къ общественной дѣятельности и благу ближнихъ. Золотое правило—жить для другихъ—аскету чуждо, онъ его

¹ Евсевій—Цер. истор. кн. V, гл. 24.

² Contra Celso, lib. VII.

³ О благоч. и одеждѣ дѣвств.

⁴ „Излож. вѣры“, см. Хр. чт. 1842 г. Мартъ, стр. 321—322.”

⁵ Ad Evstoch. ep. 18, въ жизни Павла, въ катал. цер. писат. о Еван. Маркѣ и др.

или не знаетъ, или зная, намѣренно старается не слѣдовать ему, что не согласно ни съ человѣческой природой, которая сама стремится къ общественности, ни съ условіями, въ которыхъ рождается и воспитывается человѣкъ и которыя сами влекутъ послѣдняго не къ одинокой, самозамкнутой жизни, а къ тому, чтобы онъ работалъ на пользу ближнихъ, хотя бы даже за то, что тѣ помогали ему въ образованіи и способствовали развитію его самосознанія. Во-вторыхъ, вслѣдствіе указаннаго, аскетизмъ неразуменъ и, наконецъ, въ третьихъ, совершенно противорѣчитъ естественному чувству самосохраненія, проявляющемуся какъ по отношенію къ душѣ, такъ и къ тѣлу. Вопреки ученію аскетизма чувство самосохраненія говоритъ намъ не о томъ, чтобы мы изнуряли тѣло, а напротивъ, всячески и при всякомъ удобномъ случаѣ то и дѣло напоминаетъ, что на тѣло нужно обращать большое вниманіе, что оно требуетъ большого ухода и т. п., все это мотивируя тѣмъ, что *mens sana in corpore sano*, что организмъ есть орудіе духовнаго начала и физической дѣятельности человѣка. Но еще болѣе противорѣчіе аскетизма сказывается будто-бы въ отношеніяхъ его къ душѣ и ея потребностямъ. Естественныя побужденія и страсти—вотъ въ сущности все, что опредѣляетъ и должно опредѣлять направленіе и содержаніе человѣческой жизни. Благо то, что соотвѣтствуетъ естественнымъ потребностямъ человѣка и все, что вытекаетъ изъ этихъ потребностей и ими обуславливается, само по себѣ всегда *хорошо* и не должно быть стѣсняемо. Жизнь человѣческая была бы крайне бѣдна, если бы не существовало страстей, имъ она обязана тѣмъ, что поднимается выше простого прозябанія. Подавленіе страстей ведетъ къ тому, что отъ жизни отнимается вся прелесть и дѣйствительное достоинство.—Такое мнѣніе касательно аскетизма высказывается людьми матеріалистическаго и притомъ эпикурейскаго образа мыслей и между ними особенно—Фейербахомъ и Штраусомъ¹.

¹ По мнѣнію архимандр. Антонія («Служеніе обществ. благу и спасеніе души», Вопр. фил. и псих. 12 книжка) и прот. Буткевича (Слово о значеніи монашества, Вѣр. и Раз. № 3, 1895 г.) источникъ такого отри-

Другую группу, интересующуюся вопросомъ объ аскетическихъ принципахъ и аскетической жизни, составляютъ люди, сущность міровоззрѣнія которыхъ касается не отрицанія аскетизма самого по себѣ, какъ извѣстнаго рода жизни и дѣятельности, а касается самостоятельности и оригинальности христіанскаго аскетизма. Держась теоріи заимствованій, по которой будто-бы христіанство не представляетъ изъ себя ничего новаго, являясь лишь сколкомъ, или сборникомъ тѣхъ или другихъ религіозныхъ воззрѣній, раньше и одновременно съ нимъ существовавшихъ, защитники этого направленія подобное же говорятъ и по отношенію къ христіанскому аскетизму. Послѣдній, по ихъ мнѣнію, не есть явленіе самостоятельное и вполне оригинальное. Если, продолжаютъ они, внимательно вникнуть во внутренній механизмъ восточныхъ религій—особенно въ буддизмъ, то окажется, что содержаніе буддійскаго аскетизма вполне тождественно съ христіанскимъ и заимствованіе послѣдняго отъ перваго не представляетъ ничего удивительнаго. Это тѣмъ болѣе возможно, что буддизмъ началъ свое существованіе раньше христіанства. Чтобы быть доказательствами въ своихъ разсужденіяхъ и не оказаться людьми, основывающими свои мысли „на воздухѣ“, представители излагаемаго образа мыслей на ряду съ этимъ проводятъ и параллель между индійскимъ и христіанскимъ аскетизмомъ.—Точкою огривленія, такъ сказать, источникомъ, гдѣ зарождается и откуда вытекаетъ буддійскій аскетизмъ, является сознаніе тяжести и бѣдствій жизни человѣческой. Какъ идеаль

панія аскетизма кроется въ *ложныхъ* выраженіяхъ послѣдняго. Дѣло въ томъ, что есть, такъ называемые, аскеты, которые всю сущность аскетичности сводятъ къ одной внѣшности, къ совокупности правилъ самаго скрупулезнаго характера, съ презрѣніемъ относятся къ лицамъ, не раздѣляющимъ ихъ образъ поведенія, и которые гѣмъ не менѣе думаютъ чрезъ исполненіе одной внѣшности угодить Богу. Вотъ, видя такихъ-то подвижниковъ, люди матеріалистическаго направленія и стараются въ корнѣ подорвать и осмѣять аскетизмъ. Конечно — все это можетъ быть; но однако Фейербахъ и ему подобные этимъ еще не извиняются, какъ лица, не желающія отдѣлять зерно отъ скорлупы, истину отъ лжи, правильное воззрѣніе на аскетизмъ отъ неправильныхъ наслоеній на него, впрочемъ—подробная критика ниже.

и учитель буддистовъ Будда, личность довольно мнѣшеская, такъ и его послѣдователи твердо держатся этого положенія. На вопросъ о томъ, что побудило Будду оставить мѣръ и идти въ пустыню—самолюбіе или что-нибудь другое, въ „Буддійскомъ Катихизисѣ“ прямо говорится, что къ этому побудили его „образъ весьма престарѣлаго, бременемъ лѣтъ отягченнаго мужа, образъ больного, образъ разлагающагося трупѣ“¹ и вообще „стремленіе найти причину нашихъ бѣдствій и средство уничтожить ихъ“. Такимъ средствомъ освобожденія является отреченіе отъ „воли къ жизни“, „самонестязаніе“, пассивное, безучастное отношеніе къ міру и всему окружающему, какъ *злу*. Путь этотъ слишкомъ трудный и жестокий, по своимъ степенямъ онъ слагается изъ восьми частей; сюда входятъ: а) истинное разумѣніе, б) истинное мышленіе, в) истинное словоупотребленіе, г) истинное дѣйствованіе, д) истинная жизнь, е) истинное хотѣніе, ж) истинное познаніе и з) истинное погруженіе². Но не смотря на всѣ эти „тервіи“, буддистъ не долженъ падать духомъ, не долженъ возвращаться съ полупути подвига; подкрѣпленіемъ ему на этомъ тяжкомъ поприщѣ является возделѣнная „нирвана“,—состояніе совершеннаго покоя—безъ всякаго желанія, безъ обмана, безъ всякихъ скорбей, состояніе, въ которомъ уничтожено все, что касается физическаго человѣка. Пока человѣкъ не достигъ нирваны, онъ подверженъ постоянному искушенію и возрожденію, „но если онъ достигъ нирваны, то онъ не возрождается“³. И мы дѣйствительно видимъ, что эта нирвана, эта, такъ сказать, омега буддійскаго аскетизма составляетъ *desideratum* жизни всякаго буддиста и отсюда онъ почерпаетъ всю стойкость и мужество при перенесеніи своихъ аскетическихъ подвиговъ (индійскіе факиры). Имѣя въ виду изложенное понятіе о буддійскомъ аскетизмѣ, лица, набрасывающія тѣнь сомнѣнія на самостоятельность и оригинальность христіанскаго аскетизма, и говорятъ, что послѣдній есть не что

¹ Буддійскій Катихизисъ, Вѣр. и Раз. 1887.

² Буддійскій Катихизисъ.

³ Буддійскій Катихизисъ.

иное, какъ копія съ перваго. Вѣдь и въ христіанствѣ, какъ и въ буддизмѣ, источникомъ аскетизма является сознаніе того, что міръ и тѣло человѣка—зло; вѣдь и здѣсь, какъ и тамъ, аскетическая жизнь считается ярмомъ, бременемъ, неудобъ носимымъ; вѣдь, наконецъ, и христіанство, какъ и буддизмъ, обѣщаетъ успокоеніе подвижникамъ, потрудившимся въ борьбѣ съ міромъ и плотію... Но не поверхностна-ли такая аналогія?.. Увидимъ—ниже.

Вл. С. Соловьевъ ¹, А. Шопенгауэръ и многіе другіе составляютъ третью группу лицъ по интересующему насъ вопросу. Аскетическія воззрѣнія этого кружка людей и по характеру, и по внутреннему достоинству радикально противоположны двумъ вышензложеннымъ направленіямъ въ вопросѣ объ аскетизмѣ. Не примыкая къ первой группѣ, то-есть не отрицая аскетизма, какъ особаго рода жизни, также не задаваясь цѣлью подорвать авторитетъ христіанскаго аскетизма ссылкой на то, что будто-бы послѣдній представляетъ изъ себя не что иное, какъ копію съ аскетизма буддійскаго, поборники этого направленія хотятъ построить свою собственную аскетичку.

Какъ защитникъ и проповѣдникъ автономной нравственности ², имѣющей основаніе только въ самомъ духѣ человѣческомъ, Вл. Соловьевъ и въ рѣшеніи проблемы объ аскетизмѣ старается быть послѣдовательнымъ своему основному принципу. Игнорируя данныя христіанской религіи (кромѣ, впрочемъ, однихъ терминовъ), гдѣ аскетическая жизнь, помимо субъекта, поставляется еще въ зависимость отъ объекта ея—отъ Бога, Вл. Соловьевъ, въ опредѣленіи смысла и достоинства этой жизни, обращаетъ вниманіе только на *душу* человѣческую, съ различными ея свойствами, способностями и чувствованіями. Анализируя эти способности души—особенно чувствованія, онъ находитъ и, —надо сказать, довольно удачно

¹ «Первичныя данныя нравственности» (Вопр. филос. и психол., 1894 г., сентябрь), «Аскетическое начало въ нравственности» (Вопр. филос. и психол., 1895 г., январь).

² «Основы нравственности» («Вѣст. Цгрот.», 1894 г.).

и оригинально,—среди нихъ одно чувствованіе, которое можетъ служить „*принципомъ аскетизма*“¹. Чувство это—стыдъ. Если внимательнѣе вникнуть въ чувство стыда, то легко можно замѣтить, что оно слагается изъ двухъ элементовъ—изъ я и не—я, изъ утвержденія человѣческаго достоинства и отрицанія того, что не гармонируетъ съ этимъ достоинствомъ человѣка и не соотвѣтствуетъ ему. Въ понятіе послѣдняго, то-есть того, что отрицается самосознаніемъ и внутреннимъ голосомъ человѣка, входитъ все то, что мыслится подъ именемъ „плоти“, очень сильно стремящейся привлечь къ себѣ духовную силу, вовлечь ее въ свой процессъ съ цѣлью „разрѣшить ее въ себя и усилиться на ея счетъ“². Вотъ борьба съ такимъ-то началомъ, жаломъ человѣка и составляетъ зерно аскетизма и вмѣстѣ арену для аскетическихъ подвиговъ. Лозунгомъ этихъ подвиговъ являются слова: „животная жизнь должна быть подчинена духовной“³, во-первыхъ, путемъ огражденія духовнаго начала отъ захватовъ плотскаго и, во-вторыхъ, путемъ совершеннаго покоренія области плоти, совершеннаго обращенія животной жизни въ средство для дѣятельности души. Цѣлью же всей этой борьбы духа съ плотью служить утвержденіе нравственнаго достоинства человѣка, соединенное съ искорененіемъ такихъ пороковъ, какъ „обжорство, пьянство и распутство“⁴.

Если Вл. Соловьевъ, по основанію своей аскетической теоріи, можетъ быть названъ представителемъ *субъективнаго* аскетизма, то Шопенгауэръ († 1860 г.), напротивъ, представителемъ и глашатаемъ аскетизма *объективнаго*; если первый „принципъ аскетизма“ старается найти въ самомъ человѣкѣ—въ чувствѣ стыда, то послѣдній, наоборотъ, вѣдъ человѣка—въ той силѣ, которая производитъ міръ и имя которой *воля*. Анализируя послѣднюю, онъ находитъ, что она, будучи источникомъ всякаго бытія, въ то же время есть и источникъ всѣхъ бѣдствій. Всякое хотѣніе—какъ міровое, такъ и человѣческое,

¹ «Аскетич. начало въ нрав.» Вопр. фил. и псих., стр. 68.

² «Аскетическое начало въ нравственности».

³ Ibid... * Ibid, стр. 87.

по-скольку то и другое отражается въ сознаниі чловѣка, уже само по себѣ всегда носить съ собою страданіе, потому что возникаетъ изъ нужды, недостатка, и хотя оно иногда достигаетъ исполненія, но ощущеніе удовлетвореннаго желанія всегда бываетъ кратковременно и скудно, между тѣмъ какъ желаніе длится долго и притомъ на одно исполнившееся желаніе приходится много тщетныхъ. Даже самое окончательное удовлетвореніе желаній бываетъ только кажущимся; исполненное желаніе тотчасъ уступаетъ мѣсто новому: первое уже сознанное, второе—еще не сознанное заблужденіе. Продолжительнаго, полнаго удовлетворенія не можетъ дать никакой объектъ желанія (для міровой воли такимъ объектомъ является, напримѣръ, сама жизнь чловѣка, а для чловѣческой—тѣ или другіе „продукты міра“): онъ (объектъ), напротивъ, вѣчно подобенъ только милостынѣ, бросаемой нищему, которая сегодня поддерживааетъ его жизнь, чтобы продлить ее до завтрашняго мученія. Если въ такомъ печальномъ состояніи находится міровая воля, если этой же участи подвержена, слѣдовательно, и воля чловѣка, какъ проявленіе міровой воли, то *отсюда, по Шопенгауэру, единственный путь жизни долженъ состоять въ полнѣйшемъ отказѣ отъ желанія бытія, жизни, наслажденій. Путь этотъ лучше всего осуществляется въ аскетизмѣ. Понятіе объ этомъ аскетизмѣ Шопенгауэръ картинно и подробно представляетъ въ образѣ аскета*¹. Аскету недостаточно уже любить другихъ, какъ самого себя и дѣлать для нихъ столько же, какъ и для себя; въ немъ возникаетъ отвращеніе къ самому бытію, коего выраженіемъ служить собственное его явленіе, къ волѣ жизни, къ зерну и сущности того міра, который признанъ имъ несчастнымъ. Онъ, поэтому, отрицается отъ этого именно въ немъ проявляющагося и уже самимъ тѣломъ выражаемаго бытія, и его поступки уличаютъ его собственное появленіе въ мірѣ жи, становятся съ нимъ въ открытое противорѣчіе. Не будучи въ существѣ ничѣмъ инымъ,

¹ Die Welt als Wille und Vorstellung (Міръ, какъ воля и представленіе), стр. 452 и слѣд.

какъ проявленіемъ міровой воли, аскетъ рѣшается вообще ничего не хотѣть, остерегается прилѣпить свою волю къ чему-бы то ни было, утверждаетъ въ себѣ (скорбное) равнодушіе ко всѣмъ вещамъ. Его тѣло—мощное и здоровое высказываетъ генеталиями половое побужденіе, но аскетъ отрицаетъ волю и уличаетъ тѣло въ стремленіи ко злу: онъ не хочетъ полового удовлетворенія ни подъ какимъ видомъ. Добровольное, полное цѣломудріе—первый шагъ въ аскетизмъ или отрпцаніи воли къ жизни. Оно отрицаетъ этимъ переходящее за предѣлы индивидуальной жизни подтвержденіе воли и тѣмъ указываетъ, что вмѣстѣ съ жизнью этого тѣла сама воля, его создавшая—отмѣняется. Аскетизмъ высказывается далѣе въ добровольной и преднамѣренной бѣдности, которая возникаетъ не только *per accidens*, отъ раздачи собственности для удовлетворенія чужихъ страданій, но становится здѣсь сама по себѣ цѣлью, долженствуя служить постояннымъ умерщвленіемъ воли, для того чтобы удовлетвореніе желаній и сладость жизни не возбудили вновь волю къ бытію, отъ которой познаніе скорбей міра отвратило аскета. Достигшій этой точки все еще, какъ оживленное тѣло, какъ конкретное проявленіе воли, чуетъ расположеніе къ желаніямъ всякаго рода; но онъ подавляетъ ихъ преднамѣренно, принуждая себя ничего не дѣлать изъ всего, чего-бы ему хотѣлось, а, напротивъ, дѣлая все, чтобы ему не хотѣлось, даже когда при этомъ нѣтъ иной цѣли, кромѣ именно умерщвленія воли. Такъ какъ самъ онъ отрицаетъ волю, проявляющуюся въ его собственной особѣ, то онъ не станетъ противоdѣйствовать, если другой будетъ причинять ему зло: онъ радъ каждому извнѣ приходящему страданію, случайно или по чужой злобѣ, каждому вреду, каждому позору, каждому оскорбленію; онъ охотно принимаетъ ихъ, какъ новый случай убѣдить самого себя, что онъ не подтверждаетъ волю, и радостно становится на сторону каждаго врага проявленія этой воли, которая создала собственную его особу. Онъ, поэтому, переноситъ такой позоръ и страданіе съ неисчерпаемымъ терпѣніемъ и кротостію, воздастъ за зло безъ хвастовства добромъ, и столь же мало дозволяетъ пробуждаться въ себѣ пламени грѣха, какъ и вожде-

лѣнія. Какъ самую волю, такъ умерщвляетъ аскетъ и ея видимость, ея объективизацію, тѣло: онъ скудно питаетъ его, чтобы пышный разцвѣтъ и преуспѣяніе его въ то же время не оживили-бы снова и не возбудили-бы волю, коей оно составляетъ только выраженіе и зеркало. Такъ прибѣгаетъ онъ къ посту; онъ даже хватается за самобичеваніе и самопостязаніе, чтобы постоянными лишеніями и страданіями все болѣе и болѣе сокрушать и убивать волю, которую онъ признаетъ и ненавидитъ, какъ источникъ мучительнаго бытія собственнаго и міроваго. Когда же, наконецъ, приходитъ смерть, разрѣшающая это проявленіе міровой воли, которой сущность, однако, здѣсь уже давно умерла, за исключеніемъ слабаго остатка, являвшагося въ видѣ оживленія этого тѣла; то смерть, какъ вождѣннсе искупленіе, въ высшей степени отрадна и пріемлется съ радостію. Съ нею и кончается вся жизнь аскета ¹.

Мы изложили три современныхъ направленія по вопросу объ аскетизмѣ, какъ извѣстномъ родѣ жизни и дѣятельности. Первое изъ перечисленныхъ воззрѣній можетъ быть названо *отрицательнымъ*, по скольку оно старается въ принципѣ отвергнуть аскетику, второе—*набрасывающимъ тень на самостоятельность христіанскаго аскетизма* указаніемъ на то, что будто-бы онъ представляетъ изъ себя сколокъ съ индійскаго аскетизма, и къ третьему направленію, по всей справедливости, должно быть приложимо названіе *философскаго*, такъ какъ оно старается найти источникъ аскетизма въ тѣхъ или другихъ данныхъ разума, безъ всякаго на то свидѣтельства религіи. Мы постараемся разсмотрѣть изложенныя воззрѣнія, опираясь на авторитетъ св. Василія Великаго, который, и въ жизни, и въ ученіи, былъ истиннымъ аскетомъ древней христіанской церкви.

¹ Ibid; срав. Ланге. Истор. прав. идей XIX вѣка (Шопенгауэръ, глава VI-я), Спб. 1888.

II.

Вопросъ объ аскетизмѣ составлялъ для св. Василия Великаго насущную потребность духа, былъ главною стихіею и предметомъ его занятій. Введенный условіями своего воспитанія и природными дарованіями своей души въ жизнь воздержную, аскетическую, Василій Великій, естественно, увлекшись этою формою жизни еще въ юности, не покидалъ ее и до самой старости—до смерти. Труды, въ которыхъ вылились сужденія св. Василия объ аскетизмѣ, слѣдующіе: „Предначтеніе подвижничества“, „Слово подвижническое и увѣщаніе объ отреченіи отъ міра“, „Слова о подвижничествѣ—первое, второе и третье“, „Подвижническіе уставы подвизающимъ въ общежитіи и отшельничествѣ“, „Правила, кратко и пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ“ (V т.); „Нравственныя правила“ (III т.), письма: „къ Кесарійскимъ монахамъ“, „о совершенствѣ монашеской жизни“, „къ настоятелю монаховъ“ и др. 1. Но если всѣ сейчасъ перечисленныя сочиненія имѣютъ свою цѣлью прямое, такъ сказать, специальное выясненіе аскетическихъ воззрѣній, то, съ другой стороны, есть у Василия Великаго произведенія — и такихъ не мало, — которыя хотя и не задаются прямо этою задачею, но въ которыхъ тѣмъ не менѣе разсѣяно очень много мыслей объ аскетизмѣ. И это вполне понятно: аскетизмъ, какъ замѣчено, интересовалъ св. отца съ малыхъ лѣтъ, былъ его духовною стихіею, а извѣстно, что все дорогое высказывается не только тогда, когда побуждаетъ къ тому необходимость или просьба, но и тогда, когда такой необходимости нѣтъ, а представляется только одинъ простой случай, такъ сказать, „къ слову“, „кстати“. Изъ произведеній такого рода можно указать на толковательные труды св. Василия; тамъ (въ Св. Писаніи), гдѣ рѣчь заходитъ объ идеалѣ жизни, ея смыслѣ и условіяхъ, св. отецъ всегда останавливается на этомъ и ста-

¹ См. «Творен. св. Вас. Велик.» по Москов. изд. 1848 года.

рается видѣть его (смысль) въ аскетикѣ. За воззрѣнія по аскетикѣ, какъ за совокупность мыслей, указывающихъ путь къ добродѣтельному житію, св. Василій, по всей справедливости, называется однимъ нѣмецкимъ ученымъ *мужемъ дѣла* въ сравненіи съ Григоріемъ Богословомъ и Григоріемъ Нисскимъ, изъ коихъ первый считается представителемъ *слова*, ораторскаго церковнаго искусства, а второй—представителемъ *мысли*, христіанской философіи ¹.

Разсматривая воззрѣнія св. Василия Великаго на аскетическую жизнь, мы находимъ, что касательно ея св. отецъ былъ самаго высокаго мнѣнія. Путь этотъ онъ называлъ „путемъ царскимъ“ ², каковое наименованіе ему прилагалъ, во-первыхъ, потому, что онъ есть путь самый главный, идя которымъ человѣкъ не только не уклоняется ни на ту, ни на другую сторону соблазновъ міра, а, напротивъ, является царемъ ихъ, во-вторыхъ, потому, что имъ шелъ самъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Царь неба и земли, когда воспріялъ на Себя плоть человѣческую и, наконецъ, въ третьихъ, потому, что этотъ путь проводить къ Царю всѣхъ—Богу. Другой эпитетъ, который усвоивалъ св. Василій Великій аскетической жизни, тотъ, что эта жизнь есть „жизнь ангельская“ ³). Основаніемъ для такого сближенія служить, во-первыхъ, то, что аскетъ, подобно ангеламъ безстрастнымъ, старается совершенно подавить всякую мысль о страстяхъ и, во-вторыхъ, не развлекаясь ими и не подчиняясь плотскимъ вождѣлѣніямъ, „непрестанно погружается въ Божіе лицезрѣніе“. Отсюда — горе аскету, если онъ, забывъ достоинство своего подвига, осквернится человѣческими страстями; тогда онъ „подобенъ“ будетъ „кожѣ рыси, у которой шерсть не совершенно бѣла и не вовсе черна, но испещрена смѣсью разныхъ цвѣтовъ и не причисляется ни къ чернымъ, ни къ бѣлымъ“ ⁴. Опредѣляя задачу и сущность аскетики, какъ пути ко спасенію, св. Ва-

¹ Rupp. Gregor's, des Bischofs v. Nyssa, Leben und Meinungen. Leipz. 1834, s. 58—59.

² Тв. св. В. В., V т., 399 стр.

³ Тв. св. Вас. В., V т., стр. 71.

⁴ Ibid.

силій видитъ ее „въ возобновленіи живого союза съ Богомъ чрезъ очищеніе страстей“. Человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію; а грѣхъ, увлекая душу въ страстныя пожеланія, измѣнилъ красоту образа. Но Богъ, сотворившій человѣка, есть истинная жизнь: потому, кто утратилъ въ себѣ подобіе Божіе, тотъ утратилъ и общеніе съ жизнью; а кто внѣ Бога, тому невозможно быть въ блаженной жизни. Итакъ, заключаетъ св. отецъ, возвратимся къ первоначальной благодати, которой чуждыми сдѣлали мы себя чрезъ грѣхъ, и снова украсимъ себя по образу Божію, безстрастіемъ уподобившись Творцу¹. Касаясь подробнѣе основаній аскетизма, св. Василій намѣчаетъ двоякаго рода мотивы, которые обусловливаютъ собою существованіе аскетикъ, ея разумность или, точнѣе, желательность². Мотивы эти могутъ быть названы отрицательными и положительными. Къ числу первыхъ относятся возрѣнія его на діавола и страсти, какъ на враговъ нашего спасенія, какъ на такія условія нашего бытія, которыя располагаютъ скорѣе удалиться отъ нихъ, чѣмъ подчиняться имъ и увлекаться ими; въ число же вторыхъ входитъ ученіе св. отца о Богѣ, какъ источникѣ нашей истинной и безсмертной жизни, и — о разумной душѣ. Какъ не трудно видѣть, эти мотивы составляютъ изъ себя противоположную параллель: съ одной стороны—діаволь, съ другой—Богъ, тамъ—страсти, здѣсь—разумная душа; среди такой-то жизненной параллели и долженъ проходить человѣкъ, направляя къ тому всѣ свои силы—умъ, волю и чувство.

¹ Ibid. стр. 6>.

² Цѣлѣю замѣтить, что «желательность» аскетизма не одно и то же, что его «необходимость». Могутъ быть всѣ даныя къ тому, чтобы извѣстное дѣйствіе осуществлялось на практикѣ, но оно, однако же, не въ состояніи бываеъ сдѣлаться необходимымъ, причиною чего по преимуществу является воля. Съ этой точки зрѣнія смотритъ на аскетизмъ и св. Василій. Утверждая, что аскетизмъ—хорошее дѣло, имѣющее за себя множество разумныхъ соображеній, онъ все-таки не считаеъ его явленіемъ безусловно необходимымъ, предоставляя конечное рѣшеніе доброй волѣ человѣка. «Кто можетъ вмѣстить, да вмѣстить» (Мф. 19. 12). Отсюда, съ другой стороны, аскетизмъ и называется еще «подвижничествомъ», какъ такимъ родомъ жизни, который выбирается по усмотрѣнію самого человѣка.

Хотя человекъ въ таинствѣ крещенія отрицается отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его, однако и послѣ этого врагъ не покидаетъ попытку властвовать надъ человекомъ. Дьяволъ — это „князь вѣка сего“¹, отецъ лжи, зависти² и всякаго лукавства. Какъ таковой, онъ во чтобы то ни стало старается на нивѣ Божіей, засѣянной чистою пшеницей, насадить плевелы, въ общество, одушевленное чистымъ духомъ любви, внести духъ своекорыстія, тамъ, гдѣ водворяется правдолюбіе, чистосердечіе, искренность во взаимныхъ отношеніяхъ — послать духъ двоедушія и лукавства, самое благочестіе осквернить фарисейскимъ лицемѣріемъ, то-есть стремится въ самомъ корнѣ повредить христіанскую жизнь. Главными средствами, при помощи которыхъ сатана стремится осуществлять свою дѣль на практикѣ, являются демоны и особенно страсти. Сообразно пагубному вліянію, какое производятъ страсти на развитіе и воспитаніе христіанскаго характера человека и на его утвержденіе въ добродѣтели, св. Василій называетъ ихъ тѣми или другими именами. По его мнѣнію, страсти — это „безчипные и наглые псы“, надъ которыми нѣтъ надсмотрщика; они лаютъ на душу и каждая страсть полагаетъ своею задачею всячески истерзать ее, отдѣляя себѣ часть жизненной силы³. Другое характерное названіе страстей то, что онѣ суть „змѣи хитрыя“, которыя, завлекая человека тѣми или другими мнимыми красотами бытія, въ сущности „отводятъ его отъ созерцанія и внимательнаго разсматриванія предметовъ похвальныхъ“⁴. Страстей въ человекѣ бываетъ непчислимое множество; въ этомъ случаѣ душа его, по всей справедливости, представляетъ изъ себя какъ-бы лабиринтъ. Тутъ находятся и чревоугодіе, и самоугодіе, иначе называемыя еще „сластолюбіемъ и самолюбіемъ“, любостыжательность, и гнѣвливость, и невоздержаніе и вообще масса другихъ страстей. Но изъ всѣхъ, ихъ, по тому значенію, какое онѣ имѣютъ въ жизни, безспорно первое мѣсто принадлежитъ

¹ Тв. св. Вас. Вел. I, 196 стр.

² Ib. IV, 157—158.

³ Тв. св. Вас. Вел., т. V, 391 стр.

⁴ Ibid, 424 стр.

первымъ двумъ страстямъ, — именно чревоугодію и самолюбію. По дѣйствіямъ своимъ на человѣка, эти страсти обратно пропорціональны. Въ то время какъ самолюбіе больше всего относится къ душѣ и чрезъ это уже плѣняетъ тѣло, чревоугодіе, наоборотъ, имѣя дѣло собственно съ плотью, потомъ при посредствѣ ея омрачаетъ уже и душу. Самолюбіе уничтожаетъ въ насъ искренность и сердечность, убиваетъ всякое живое чувство. Наша нравственность становится безжизненною и мертвою, холодною и неподвижною. Милосердіе, кротость, незлобіе и сострадательность, желаніе ближнимъ своимъ одного добра, радости и счастья — эти драгоценныя качества мало-по-малу изгоняются изъ нашего сердца. Возвышенныя, идеальныя стремленія, самопожертвованіе считаются эгоизмомъ, дѣтскими мечтаніями, несвойственными человѣку съ здравымъ умомъ и трезвымъ взглядомъ на жизнь. Руководясь самолюбіемъ, человѣкъ старается избѣгать всякихъ трудовъ и подвиговъ на пользу ближняго; личное спокойствіе и свободу отъ заботъ и тревоженій относительно всего, что его не касается, онъ предпочитаетъ дѣятельности живой, управляемой самоотверженной любовью, которая не полагаетъ границъ въ дѣланіи добра ближнему. Свободный и безграничный законъ христіанской нравственности самолюбивый человѣкъ лишаетъ живой души — любви; она не вдохновляетъ его, не согрѣваетъ его сердце святыми чувствованіями, которыя даютъ радость и миръ душѣ. Свою совѣсть эгоистъ успокаиваетъ благопрістойностью внѣшняго поведенія¹. Но еще болѣе мастерски изображаетъ св. Василій проявленіе чревоугодія. Держась правила, что „сказанное должно подкрѣплять не только словесными увѣщаніями, но и подтверждать примѣрами дѣятельности“², св. отецъ въ изображеніи страсти чревоугодія дѣйствительно и высказываетъ сперва общія положенія, а потомъ подтверждаетъ эти послѣднія примѣрами. „Какъ вода, раздѣляемая на многіе потоки, дѣлаетъ то, что зеленѣютъ всѣ мѣста, лежащія около потоковъ, такъ и страсть чревоугодія, если разлилась

¹ Гв. св. Вас. Вел., V, 239—240, 366—367.

² Ib. 401.

въ твоёмъ сердцѣ, наиповъ всѣ твои чувства и насадивъ въ тебѣ лѣсъ пороковъ, обратитъ душу твою въ жилище страстей .. Чревоугодіе Адама предало смерти и причинило міру погибель сластолюбіемъ чрева: Ной осмѣянь, Хамъ проклять, Исавъ лишается правъ первородства и вступаетъ въ родню съ хананеями, Лотъ дѣлается мужемъ дочерей, а самому себѣ зятемъ и тестемъ, отецъ становится мужемъ и дѣдъ отцомъ, въ обояхъ отношеніяхъ нарушая предѣлы естества. Чревоугодіе и Израиля сдѣлало поклонникомъ идолу и довело израильтянь до того, что „тѣлеса“ ихъ пали въ пустынь (Числ., XIV, 29). Чревоугодіе и одного изъ пророковъ, посланнаго Богомъ для обличенія нечестиваго царя, сдѣлало снѣдію дикаго звѣря. И кому не могъ причинить зла царь Іеровоамъ, при всемъ царскомъ могуществѣ, тотъ, уловленный обольщеніемъ чрева, подвергся жалкой смерти (3 Цар. XIII, 23—24) ¹. Вотъ враги нашей богоугодной жизни!.. Мы нарочно подробнѣе остановились на этомъ, потому что ученіе о страстяхъ—и особенно о самолюбіи и чревоугодіи—составляетъ одно изъ главныхъ звеньевъ аскетизма.

Но если, такимъ образомъ, діаволь и страсти суть главные враги нашей жизни, тормозящіе и препятствующіе успѣху добродѣтели, то, спрашивается, куда же идти, гдѣ же почерпнуть источникъ мира и успокоенія, гдѣ искать идеала, который-бы руководилъ всѣмъ нашимъ поведеніемъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ у св. Василия является представленіе о Богѣ и—о духѣ, какъ разумномъ началѣ чловѣка. Но отвѣчая такъ, св. отецъ высказываетъ не какія-либо сухія, теоретическія истины о Премірномъ Существовѣ,—нѣтъ, а, какъ мудрый и опытный психологъ, онъ старается представить Его въ такомъ видѣ, какой могъ бы затронуть самыя живыя струны чловѣческаго сердца. *Любовь и красота*—это, какъ извѣстно, суть неотъемлемыя стремленія всего живущаго. Куда-бы мы не посмотрѣли,—въ царство ли животныхъ, въ жизнь ли чловѣка,—всюду мы требуемъ ихъ, вездѣ, гдѣ мы

¹ Тв. св. Вас., Бел. V, 56—57.

ни замѣчаемъ ихъ, они нравятся намъ и привлекаютъ насъ къ себѣ. Сообразуясь съ такими постоянными стремленіями человѣческаго естества, св. Василій и говоритъ: „Что же достоуднѣе Божіей красоты? Какое представленіе пріятнѣе Божія великолѣпія и любви Его?.. Подлнно неизреченны и неописанны молніеносныя блистанія Божіей красоты; ни слово не можетъ выразить, ни слухъ вмѣстять“, а только сердцемъ можетъ нѣсколько ощущаться она... Всѣ святые стремились быть участниками этой красоты, они молились о томъ, чтобы зрніе красоты и доброты Божіей постиралось на всю вѣчную жизнь ¹, — и мы, подобно имъ, должны преслѣдовать это же. Но такъ какъ подобное познается подобнымъ, то, естественно, что неизреченная красота Божія можетъ быть постигаема нашею душею только тогда, когда послѣдняя будетъ носить въ себѣ тоже задатки красоты, — а это ведетъ къ тому, что желаніе быть участникомъ красоты Божіей обуславливаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость поддерживать въ себѣ красоту духа, которая есть не что иное, какъ разумность его. Разсужденія о Богѣ, какъ источникѣ жизни и безсмертія, и о разумной душѣ составляютъ мотивы положительнаго характера. Выражаясь кратко, побужденія къ аскетизму, представляемые св. Василіемъ, могутъ быть формулированы въ такомъ видѣ: *остерегайся, человекъ, страстей, веди съ ними борьбу и стремись больше всего къ утвержденію своего человѣческаго достоинства чрезъ познаніе своего внутренняго міра и той красоты, которую носитъ въ себѣ Божество.*

Взятый со стороны осуществимости и выполненія, аскетизмъ, очевидно, представляетъ изъ себя подвигъ трудный, иго не легко переносимое. Въ самомъ дѣлѣ, сколько надо мужества и стойкости, чтобы не подпасть подъ вліяніе тѣхъ или другихъ страстей, сплошь и рядомъ очень заманчивыхъ, сколько нужно предусмотрительности и „самособранности“, чтобы не сбиться съ пути, имѣющаго задачею нравственное

¹ Тв. св. Вас. Вел., V т. 100—101.

совершенство. Все это было ясно предвидѣно св. Василиемъ,— и потому, желая предупредить аксета отъ случаевъ паденія, онъ, естественно, на ряду съ разсужденіями о мотивахъ аскетизма, коснулся и тѣхъ руководителей, которые могли-бы въ этомъ случаѣ оказать ему великую службу. Такими руководителями являются, во-первыхъ, самъ разумъ человѣка (руководитель субъективный) и, во-вторыхъ, опытный въ святой жизни мужъ (руководитель объективный). Называя разумъ окомъ духовнымъ и выясняя значеніе его въ аскетической жизни, св. Василій удачно сравниваетъ его съ глазомъ матеріальнымъ. Какъ глазъ, когда попадаетъ въ него соринка, начинаетъ ощущать неловкость въ зрѣніи, такъ и разумъ, чувствуя обуреваніе страстью, начинаетъ сознавать борьбу между самимъ собою и страстью, идеаломъ и дѣйствительностью, истиной и ложью. Какъ глазъ—далѣе,—желая избавиться отъ мученій, ощущающаго потребность въ помощи, которая удалла-бы, причиняющіе ему боль предметы, такъ и разумъ, при первомъ же натискѣ страсти, долженъ стремиться искоренить ее, при помощи ли своихъ собственныхъ силъ, или при посредствѣ благодати Божіей. Какъ глазъ, наконецъ, когда не будетъ отстранена отъ него раздражающая его вещь, можетъ потерять способность видѣть, такъ и разумъ, не напрягающій своихъ усилій къ уничтоженію въ корнѣ страстей, можетъ затмить въ себѣ черты образа Божія, а это—смерть духовная; смерть же духовная не желательна. Другимъ руководителемъ аскетической жизни долженъ быть, по мнѣнію св. отца, мужъ опытный въ добродѣтели. „Съ великою заботливостью и внимательностью постарайся найги жужа“, — читаемъ у св. Василія, — „который бы непогрѣшительно предшествовалъ тебѣ въ образѣ жизни, хорошо умѣлъ руководить шествующихъ къ Богу, украшенъ былъ добродѣтелями, въ собственныхъ дѣлахъ своихъ имѣлъ свидѣтельство любви своея къ Богу, былъ свѣдущъ въ божественныхъ Писаніяхъ, не разсѣянъ, не сребролюбивъ, не озабоченъ многимъ, безмолвенъ, боголюбивъ, ницелюбивъ, не гнѣвливъ, не памятозлобенъ, силенъ въ назиданіи солижающихся съ нимъ, не тщеславенъ, не высокоумѣренъ, не льстивъ, не измѣнчивъ,

ничего не предпочиталъ Богу“¹. Выборъ такого мужа поконтя на томъ воплиѣ понятномъ правилѣ, что „у добрыхъ учителей и уроки добрые“¹. Насколько высоко смотрѣлъ св. Василій на подобныхъ руководителей, видно изъ того, что онъ, во-первыхъ, въ дѣлѣ аскетической жизни поставлялъ ихъ на второмъ мѣстѣ—послѣ Бога и, во-вторыхъ, совѣтовалъ, забывъ свою волю, во всемъ повиноваться имъ. „Первый, самый истинный отецъ есть Отецъ всѣхъ, а второй послѣ Него—наставникъ въ духовномъ житіи“². Если найдешь наставника, украшеннаго многими доблестями, „передай ему себя, ни во что вмѣнивъ и отринувъ прочь всякую свою волю“³, говоритъ св. отецъ. Слѣдствіемъ такого поведенія явится то, что духъ ревности о богоугожденіи, представляющій первоначально одну искру, съ теченіемъ времени, мало-по-малу, будетъ тлѣть и воспламенять сердце все къ большимъ и большимъ подвигамъ. Тогда сила и желаніе—жить въ Богѣ, подобно огню (Лук., XII, 49), совершенно очиститъ душу отъ страстей, или, подобно соли (Мар., IX, 49), предохранитъ ее отъ растлѣвающихъ элементовъ. Но это состояніе души достигается и особенно рельефно обнаруживается только тогда, когда человѣкъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ побужденій къ аскетизму, приступаетъ къ осуществленію на дѣлѣ той или другой совокупности упражненій, какъ необходимыхъ средствъ аскетика.

Такимъ образомъ, мы дошли до средствъ, способствующихъ достиженію нравственного совершенства и приводящихъ чрезъ это къ живому союзу съ Богомъ. Во взглядѣ на эти средства св. Василій глубоко расходится съ приверженцами іудаизма и даже съ католическими богословами. Въ то время какъ послѣдніе старались видѣть средства аскетизма въ исполненіи внѣшнихъ и нерѣдко скрупулезныхъ обрядовъ безъ обращенія вниманія на то, съ какимъ душевнымъ настроеніемъ эти обряды исполняются; св. Василій, напротивъ, какъ во взглядѣ

¹ Тв. св. Вас. Вел., V, 49—50.

¹ Ibid—50 стр. ² Ibid—434 стр. ³ Ibid—50 стр.

на сущность аскетизма, такъ и на его средства, держался совершенно иной точки зрѣнія. Но его мнѣнію, первоначально нужно обращать вниманіе на душу, а потомъ уже — и на тѣло, по-скольку душа превосходитъ тѣло, по-скольку она больше должна и разсматриваться человѣкомъ. Какъ отецъ восточной церкви съ спекулятивнымъ складомъ ума, въ противоположность отцу западной церкви, у котораго преобладающею чертою мышленія является практичность, св. Василій въ указаніи средствъ аскетики касается не столько внѣшней, сколько внутренней стороны жизни. Имѣя въ виду такой характеръ аскетическихъ средствъ, преосвящ. Теофанъ справедливо замѣтилъ, что отличительная черта Устава св. Василія Великаго та, что онъ мало входитъ въ подробности внѣшней жизни, а болѣе выясняетъ внутреннюю сторону разныхъ проявленій ¹.

Но что же это за средства аскетизма? Подъ именемъ средствъ разумѣется совокупность благочестивыхъ упражненій, имѣющихъ своєю цѣлью, чрезъ борьбу духа съ плотію, приводить человѣка къ нравственному совершенству.

Воздержаніе и самособранность или бдительность духа надъ самимъ собою — вотъ два главные средства для успѣшнаго прохожденія аскетическаго подвига. О воздержаніи, какъ одномъ изъ самыхъ главныхъ средствъ аскетизма, св. Василій, естественно, упоминаетъ не въ одномъ, а во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ представляется къ тому лишь удобный случай ² и, съ другой стороны, всячески старается доказать важность и необходимость этого мудраго правила. Защищая послѣднюю мысль, онъ въ пользу ея мало того, что представляетъ плоды воздержанія, но приводитъ еще данныя изъ откровенія, жизни и науки. „Кажется мнѣ“, читаемъ у св. Василія Великаго, „что врачебное искусство не мало способствуєтъ и *воздержанію*. Ибо вижу, что оно отсѣкаетъ сласто-

¹ Еп. Никаноръ. Св. Васил. Вел., арх. кесар. Каппадокійск., стр. 285, примѣч. Спб. 1894.

² Тв. св. Вас. Вел., V, 73. 136—137; 133; 140—142; 144; 203; 276; 433 и пр.

любіе, не одобряегь пресыщенія, отвергаеть, какъ нѣчто не полезное, разнообразіе въ снѣдяхъ и излишнюю избобрѣтательность въ приправахъ, и вообще — недостаточность именуеьт *матерью здравія*“ . Обращаясь къ дѣйствительности, св. Василій примѣръ воздержанія видѣлъ въ святыхъ. Будучи данъ въ райскомъ состояніи нашихъ прародителей (указаніе на аповѣдь не ѣсть плодовъ съ дерева познанія добра и зла) ², этотъ „Законъ воздержанія“ ³ съ тѣхъ поръ постоянно проявлялся въ жизни угодниковъ: вся жизнь святыхъ и блаженныхъ людей, примѣръ Самого Господа въ пришествіи Его во плоти научаютъ насъ воздержанію ⁴... Но еще болѣе воздержаніе становится необходимымъ правиломъ жизни оттого, что оно сопровождается благими послѣдствіями для чловѣка. „Воздержаніе“, читаемъ у св. отца, „есть истребленіе грѣха. отчужденіе отъ страстей, начало духовной жизни; оно предуготовляетъ вѣчныя блага, уничтожаетъ жало сластолюбія; потому что сластолюбіе есть великая приманка къ злу; имъ всякая душа, какъ удою, увлекается въ смерть...“ ⁵ Что касается сущности воздержанія, то понятіе объ этомъ св. Василій выражаетъ въ такомъ видѣ. „Воздержаніемъ“, говоритъ онъ, „называемъ не совершенное удержаніе себя отъ пищи (это будетъ насильственное разрушеніе жизни), но удержаніе себя отъ сладостей...“ ⁶ Большую ошибку, по мнѣнію св. отца, допускаютъ тѣ люди, которые суть воздержанія хотятъ свести къ самому малому употребленію пищи, приносящему даже ущербъ здоровью. Воздержаніе, напротивъ, „для каждаго должно быть опредѣляемо по его тѣлесной силѣ, чтобы не останавливаться на томъ, что ниже силы, какая есть въ чловѣкѣ, и не простираться до того, что выше силы“ ⁷. Тѣмъ болѣе нужно имѣть въ виду это разумное правило, что излишнее воздержаніе поведетъ къ ослабленію тѣла, а это послѣднее обстоятельство послужитъ причиною и препятствіемъ для перенесенія подвига и для совершенія добродѣтелей, потому что

¹ Ibid—208 стр. ² Тв. св. Вас. Вел.—Слсво о постѣ. ³ V, 126 стр V, 137 стр.

⁵ Тв. св. Вас. Вел., V, 140 стр. ⁶ Ibid—137 стр. ⁷ Ibid—397 стр.

болѣзненное тѣло не въ состояніи бываетъ работать ¹. Какъ не трудно видѣть, воздержаніе прямою своею задачею имѣть искорененіе или, по крайней мѣрѣ, урегулированіе страсти чревоугодія, хотя въ то же время не забываются и другія страсти; въ этомъ отношеніи воздержаніе отличается отъ другого средства аскетизма — самособранности или „бдительности“ ² духа надъ самимъ собою, какъ такого принципа, который на первомъ планѣ поставляетъ искорененіе самолюбія, впрочемъ, не забывая при этомъ чревоугодія и тому подобныхъ пороковъ.

Самособранность—это такое настроеніе духа, когда человѣкъ въ состояніи бываетъ обращать вниманіе положительно на всѣ отправления своего духовнаго начала. Въ такомъ настроеніи духъ человѣка, по всей справедливости, можетъ быть названъ фокусомъ, куда стекаются всѣ душевныя движенія, начиная съ высшихъ и кончая низшими, и гдѣ они находятъ своего повѣрителя и стража. Такимъ повѣрителемъ является разумъ. Какъ таковой, разумъ человѣка ни за что не допускаетъ, чтобы та или другая страсть обуревала человѣка, чтобы тотъ или иной порокъ поработалъ себѣ индивидуума, дѣлая изъ него не царя, а раба плоти. Зная всѣ вредныя послѣдствія страстей, доводящія человѣка до состоянія животнаго, онъ всячески старается искоренять ихъ и естественными и благодатными средствами (покаяніемъ, напр.). Но особенно въ состояніи самособранности или бдительности вниманіе человѣка бываетъ обращено на самолюбіе или эгоизмъ. Наученный — изъ собственнаго-ли опыта, или опыта другихъ — въ томъ, что эта страсть есть страсть самая вредная, производящая ненормальности въ жизни и отношеніяхъ людей, гдѣ подъ вліяніемъ ея вмѣсто любви и общаго блага полагается ненависть и эгоистическое счастье, разумъ постоянно работаетъ надъ тѣмъ, какъ-бы съ корнемъ вырвать изъ души этотъ источникъ золь рода человѣческаго. И надобно сказать, что подобіе такого состоянія иногда достигается ас-

¹ Ibid. ² Ibid.—290 стр. и др.

кетами, — особенно въ молитвенномъ настроеніи. Отсюда-то молитва, по всей справедливости, и называется идеальнымъ выраженіемъ самособранности, когда духъ мало того, что бываетъ занятъ созерцаніемъ предметовъ высшаго порядка, но когда онъ еще совершенно отсѣкаетъ отъ своего существа начала, препятствующія святому молитвенному настроенію. — Мы указали два средства аскетизма — воздержаніе и самособранность. Изложитъ только эти именно средства мы сочли нужнымъ потому, что они, во-первыхъ, суть средства самыя главные и, во-вторыхъ, что они служатъ источникомъ второстепенныхъ правилъ аскетической жизни. Такъ, воздержаніе мало того, что опредѣляетъ мѣру чревоугодію, но и касается еще языка, очей, ушей и вообще другихъ чувствъ человѣка, опредѣляя и имъ предѣлы отпавленій. Точно такъ и самособранность, заключая сознаніе въ сердце человѣка и имѣя дѣло съ самолюбіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ возможность относиться такъ или иначе и къ другимъ страстямъ, особенно близко соприкасающимся съ самолюбіемъ (напр., къ страсти къ удовольствіямъ, богатству и пр.). При такомъ понятіи о воздержаніи и бдительности духа надъ самимъ собою, какъ основныхъ правилъ аскетики, подвижникъ не опутывается всевозможными сѣтями фарисейскаго характера, опредѣляющими его путь жизни, но, предоставленный принципу, самъ долженъ уже прилагать его къ различнымъ случаямъ своего поведенія. Разумность такого приѣма въ опредѣленіи правилъ жизни, когда на первомъ планѣ ставится только принципъ, а не исчерпываются всѣ возможныя обстоятельства жизни, очевидна. Стоитъ подвижнику лишь вникнуть въ духъ, характеръ и смыслъ основного правила, — и тогда ему понятно будетъ, что нужно дѣлать и что нельзя. То, что не согласно съ принципомъ, само собою разумѣется, должно быть отвергаемо, а то, что гармонируетъ съ нимъ или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчитъ ему, можетъ быть допускаемо въ жизни. Здѣсь же, съ другой стороны, сохраняется и свобода, и благоразуміе, и мужественное настроеніе духа человѣческаго. **Аскетъ** не страшится рабски, если въ силу немощи человеческой при прохожденіи своего подвига волей-не-волей опу-

стить какое-нибудь внѣшнее выраженіе его; а старается смотрѣть на свою жизнь съ той точки зрѣнія, направляется-ли она по духу общаго правила. А это, въ свою очередь, сопровождается тѣмъ, что подвижникъ вырабатываетъ въ себѣ настроеніе не хахаи, обращающаго вниманіе только на внѣшность, а настроеніе свободного, благоразумнаго христіанина, для котораго внутренняя сторона жизни составляетъ его постоянную стихію.

Теперь — вопросъ о томъ, къ какому состоянію человѣка относится аскетизмъ—къ дѣвственному или супружескому, или для кого онъ обязателенъ, для людей-ли, взявшихъ на себя обликъ монашеской жизни, или—и для вступившихъ въ брачное сожитіе? Предыдущія разсужденія объ аскетизмѣ уже отчасти предрѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что аскетика *желательна* для тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, то-есть и для дѣвственниковъ, и для лицъ, живущихъ въ супружествѣ. Страсти, какъ сказано, суть враги нашей христіанской жизни. Но кто свободенъ отъ нихъ, кого онѣ не волнуютъ?.. Ясный отвѣтъ, что всякаго человѣка, и—потому, очевидно, для всякаго человѣка,—буль онъ въ какомъ угодно положеніи,—надобно и средство для борьбы съ ними, — надобна астетика. Св. Василій, дѣйствительно, и утверждаетъ, что аскетизмъ, какъ борьба духа съ плотью при помощи тѣхъ или другихъ естественныхъ и благодатныхъ средствъ, нуженъ, или, вѣрнѣе сказать, желателенъ для всѣхъ людей, въ какомъ бы они состояніи ни были. Два рода жизни есть, говорить онъ, дѣвственная и брачная жизнь ¹; но оба эти рода не чужды соблазновъ и потому оба нуждаются въ поддержкѣ, „Человѣколюбивый Богъ, некущійся о нашемъ спасеніи, далъ жизни человѣческой двоякаго рода направленіе, то-есть *супружество* и *дѣвство*, чтобы тотъ, кто не въ состояніи вынести подвиговъ дѣвства, вступалъ въ сожитіе съ женою, зная, что потребуетъ отъ него отчетъ въ цѣломудріи, святости и уподобленіи тѣмъ, которые въ супружествѣ и при воспитаніи дѣ-

¹ Тв. св. Вас. Вел. V. 46—47. стр.

тей жили *свято* ¹. Продолжая эту же самую мысль, т.-е., что аскетизмъ, какъ борьба духа съ плотію, желателенъ для всѣхъ людей, св. отецъ указываетъ на то, что „Евангеліе дано всѣмъ людямъ—и дѣвственникамъ, и оженвшимся, — и что оно потребуеъ отчета въ добродѣтельной жизни у всѣхъ людей, — монахи-ли они, или живутъ въ супружествѣ ²“. Вообще „знай“, — обращается св. Василій къ оженвшемуся, „что не избѣжишь борьбы съ отступникомъ и не одержишь надъ нимъ побѣды безъ многихъ трудовъ на стражѣхъ евангельскихъ догматовъ... ³“. Такимъ образомъ, разсматриваемый съ точки зрѣнія важности, аскетизмъ, какъ совокупность благочестивыхъ упражненій въ борьбѣ духа съ плотію, является желательнымъ для всѣхъ людей, въ какомъ бы они состояніи не находились. Но нѣсколько иныя мысли высказываетъ св. Василій, когда касается того, въ какомъ положеніи аскетизмъ представляется *удобнѣе-носимымъ и удобнѣе-исполнимымъ*—въ дѣвствѣ или супружествѣ. Въ данномъ случаѣ симпатіи св. отца клонятся болѣе къ дѣвству, чѣмъ къ браку, — и это вполне справедливо и понятно. Дѣло въ томъ, что дѣвственникъ является человѣкомъ „одинокимъ ⁴“; не обремененный семействомъ, онъ свободно можетъ направлять всѣ свои силы на служеніе Богу. Правда, есть у него жало-половой инстинктъ, побѣда надъ которымъ достигается путемъ весьма продолжительнымъ и труднымъ; но если дѣвственнику, удаленному отъ міра и его прелестей, бываетъ не легко бороться съ плотію, то тѣмъ болѣе мірскому человѣку, обремененному семьей и разными заботами, эта побѣда должна составлять узелъ трудно разрываемый, задачу трудно разрѣшимую. „Какъ можешь“, говоритъ св. Василій, „отказаться отъ ратоборства со врагомъ, ведя жизнь въ самомъ ратоборномъ поприщѣ?“ ⁵. „Тебѣ къ полученію спасенія потребно больше трудовъ и осторожности, потому что избралъ себѣ жилище

¹ Ibid—стр. 47.

² Ibid.

³ Ibid 48.

⁴ Тв. св. Вас. Вел., V, 377 стр.

⁵ Ibid—48 стр.

среди сѣтей и подѣ державою отступническихъ силъ, имѣешь побужденія къ грѣхамъ, и всѣ тѣи чувства день и ночь напряжены къ вождельнію ихъ ¹. Въ то время, какъ одинокій будетъ заботиться „только о себѣ и о собственныхъ тѣлесныхъ нуждахъ или, можетъ быть, и пренебрежетъ ими“, посвящая остальное время на служеніе Богу, женатый и имѣющій на своемъ попеченіи дѣтей, напротивъ, не бываетъ уже господиномъ своей воли и по необходимости печется больше о „мірскомъ“, чѣмъ о „небесномъ“ (1 Кор. VII, 33) ². — Значить, аскетизмъ, будучи явленіемъ желательнымъ для всего человечества, однако удобнѣе исполняется въ дѣвствѣ, чѣмъ въ бракѣ. Но важно намъ здѣсь какъ то, что аскетизмъ есть родъ жизни для всѣхъ людей желательный, такъ и то, что св. Василій Великій въ пользу дѣвства не осуждаетъ и не отрицаетъ законнаго супружескаго сожителства, какъ это дѣлають, напр., нѣкоторые современные умники, мнящіе быть вождями народа. Что дѣйствительно св. отецъ не уничтожаетъ брака, какъ пути, подобно дѣвству, тоже ведущаго къ спасенію, это можно подтвердить, помимо вышесказаннаго, и слѣдующими данными. Во-первыхъ, по примѣру апостола, онъ совѣтуетъ лицамъ, не могущимъ вынести подвиговъ дѣвства, вступить въ законный бракъ, какъ въ состояніе само по себѣ чистое и непрепятствующее дѣлу святости; во-вторыхъ, смотря на бракъ, какъ на стремленіе къ рожденію дѣтей, предписываетъ совершать его въ церкви, что св. Василій не попустилъ бы, если бы былъ врагомъ брака и, наконецъ, въ третьихъ, говоря о бракѣ, старается показать его въ идеалѣ. Идеаль его онъ видитъ въ брачной жизни св. мужей. Изъ ветхозавѣтныхъ мужей св. Василій упоминаетъ объ Авраамѣ, Іовѣ, Самуилѣ, Давидѣ, изъ новозавѣтныхъ — объ апостолахъ Петрѣ и другихъ апостолахъ ³.

Въ связи съ указаннымъ вопросомъ легко разрѣшается и вопросъ о *мистѣ*, гдѣ слѣдуетъ проходить подвигъ аскетизма. Ясное дѣло, что аскетизмъ можетъ быть осуществленъ гдѣ

¹ Ibid.

² Ibid—377 стр.

³ Тв. св. Вас. Вел. V, 47 стр.

угодно—и въ мірѣ, и въ отшельничествѣ, и въ той обстановкѣ, въ которой живетъ большинство рода человѣческаго, и тамъ, куда уходить только избранные. Но опять-таки, разсматриваемый съ точки зрѣнія *удобо-исполнимости*, аскетизмъ лучше осуществимъ въ отдаленіи отъ мірской суеты. Вотъ, почему, между прочимъ, монашество выставило гораздо большее число аскетовъ, лицъ, ведущихъ борьбу духа съ плотію, чѣмъ „мирское сожительство“; вотъ почему, съ другой стороны, св. Василій больше говоритъ о тѣхъ аскетахъ и томъ подвижничествѣ, которое проходится въ монашествѣ, чѣмъ объ аскетахъ, живущихъ въ мірѣ.

При изслѣдованіи той или другой жизни обыкновенно принято говорить и объ ея значеніи, поэтому и мы скажемъ нѣсколько словъ о значеніи аскетизма. Повидимому, этотъ вопросъ долженъ рѣшаться очень легко. Аскетизмъ, по воззрѣнію св. Василія, настолько разуменъ, что касательно его значенія въ жизни не можетъ быть никакого сомнѣнія. Въ самомъ дѣлѣ, кто возьметъ на себя задачу порицать и отрицать борьбу духа съ плотію, кому не понравится та внимательность чловѣка къ себѣ и своимъ поступкамъ, которая характеризуетъ аскета?... Подвижникъ вникаетъ въ себя, роется въ глубинѣ своей души, ищетъ тамъ начала, тормозящія его нравственному преуспѣянію, и всѣ ихъ съ корнемъ старается вырвать и уничтожить. Въ образѣ своей жизни онъ полагаетъ во всемъ осмотрительность; любовь—вотъ девизъ его дѣятельности. Всякій поступокъ, могущій оскорбить его собрата, всякій взглядъ, всякое слово противъ ближняго не входитъ въ понятіе его о жизни.—Впрочемъ, мы допустили-бы пробѣлъ, если-бы ограничились изложеннымъ указаніемъ на значеніе аскетизма. Дѣло въ томъ, что есть люди, по мнѣнію коихъ, такое понятіе о значеніи аскетизма односторонне: оно исчерпываетъ лишь *личное* совершенство чловѣка, но не касается совокупности тѣхъ отношеній, которыя обязательны для него, какъ для *общественнаго* дѣятеля, какъ для единицы въ массѣ другихъ единицъ. Особенно часто такой взглядъ слышится въ нынѣшній вѣкъ, когда, забывая о личномъ совершенствѣ чловѣка,

больше проповѣдуютъ объ общественныхъ обязанностяхъ его ¹, какъ будто послѣднія возможны безъ обязанностей къ самому себѣ. Провождая послѣдовательно свою мысль, такъ называемые „общественники“ даже не прочь сказать слово о бесполезности аскетизма, если только не о прямой его безцѣльности. Но, не говоря о томъ, что, по возрѣнію св. Василія, аскетизмъ не требуетъ непремѣннаго удаленія подвижника изъ общества въ пустыню, предоставляя ему проходить этотъ подвигъ и въ мірѣ, при исполненіи его общественныхъ обязанностей, мы находимъ у св. отца, кромѣ того, мысли, прямо разрѣшающія указанное недоумѣніе. Это—мысли, опредѣляющія отношеніе къ обществу аскетовъ, проходящихъ свой подвигъ въ отдаленіи отъ міра—въ пустыняхъ или монастыряхъ. Характеризуя аскета—отшельника, онъ, между прочимъ, въ числѣ его заслугъ на первомъ планѣ ставитъ *несжатость, милостыню и особенно духовно-нравственное наученіе людей*. „Рождай дѣтей духовно“, читаемъ у св. отца ². Правда, въ данномъ случаѣ значеніе аскетовъ для общества ограничивается больше *духовнымъ* руководствомъ чело-вѣчества, чѣмъ матеріальнымъ, хотя и послѣднее нельзя отрицать. Аскеты—это свѣточи въ мракѣ невѣжества, это—свѣтильники, горящіе во тьмѣ, какъ на нихъ всегда и смотрятъ люди съ здравымъ взглядомъ на жизнь, не впадающіе въ тѣ или другія крайности. Они сильны не столько словомъ, сколько дѣломъ, не столько сухими разсужденіями о нормахъ нравственности, сколько живымъ воплощеніемъ этихъ нормъ въ своей жизни. Примѣръ ихъ поведенія заразительнѣе всякихъ дебатовъ о смыслѣ жизни. Они (если можно такъ сравнить и выразиться) трудятся больше надъ душою чело-вѣчества въ противоположность общественнымъ дѣятелямъ, преимущественное вниманіе которыхъ обращается на тѣло его. Въ то время какъ послѣдніе воздѣлываютъ матеріальную сторону жизни, первые больше преслѣдуютъ духовные интересы чело-вѣка, интересы высшаго порядка. Поэтому, въ высшей степени

¹ „Личное соверш. и обществ. жизнь“ (Вѣст. Европ. 1892 г. VI кв.).

² Тв. св. Вас. Вел V, 41 стр.

ошибочно только на томъ основаніи, что аскеты суть больше духовные руководители, набрасывая тѣнь на достоинство и значеніе аскетизма. Тогда такой же опалѣ должны были-бы подпасть наука и ея представители: вѣдь и ученые большую половину своей жизни проводятъ въ кабинетѣ, чѣмъ въ круговоротѣ жизни, открывая тамъ тѣ или другія истины. Вообще — значеніе аскетизма двояко: способствуя личному совершенству, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ чрезъ аскетовъ-монаховъ вливаетъ духовную жизнь въ организмъ человѣчества, служа для него свѣточемъ, а чрезъ аскетовъ-мирянъ упорядочиваетъ отношенія людей между собою, строя ихъ на началахъ правды, мира и любви. Поэтому была бы прекрасная картина жизни, если бы всякій челоѣкъ несъ подвигъ аскетизма: ведя борьбу со страстями, люди на ряду съ этимъ волей-неволей уничтожали-бы зло, водворяя на землѣ подобіе рая.

Вникая еще разъ въ аскетическія воззрѣнія св. Василія Великаго, мы находимъ, что аскетизмъ, по его понятію, есть тотъ родъ жизни христіанской, гдѣ цѣлью и вмѣстѣ задачей является борьба духа съ плотію для возобновленія живого союза съ Богомъ. Лозунгомъ этой борьбы служить побѣда надъ зломъ, вопреки буддійскому аскетизму, гдѣ концомъ его считается только простое освобожденіе отъ міра и его соблазновъ и гдѣ, въ силу этого, аскетъ представляетъ изъ себя и играетъ скорѣе роль трусливаго борца, чѣмъ мужественнаго подвижника. Какъ челоѣкъ, преслѣдующій побѣду надъ зломъ, христіанскій аскетъ вполнѣ справедливо сравнивается Василіемъ Великимъ съ „воиномъ“¹. Основаніемъ для такой аналогіи служатъ слѣдующія точки соприкосновенія между воиномъ и подвижникомъ. Какъ воинъ, поступаая на службу къ земному царю, совершенно отрекается отъ своей воли, давая клятвенное обѣщаніе во всемъ повиноваться ему и служить вѣрно, такъ и аскетъ, служитель небеснаго Царя, взявъ на себя подвигъ, обязуется исполнять его такъ, какъ требуетъ того воля небеснаго Владыки. „Гдѣ Царь Христосъ?“ — чи-

¹ Тв. св. Вас. Вел. V, 39—44. (Предначерт. подвижничества).

читаемъ у св. Василія ¹. „Конечно на небѣ. Туда и тебѣ воинъ должно устремлять взоръ и направлять шествіе“. Какъ—далѣе—царю земному желательно бываетъ, чтобы войны его отличались мужествомъ, храбростью и терпѣніемъ и совѣмъ изгоняли изъ своего сердца страхъ, боязнь и трусость, такъ и Царю небесному доставляетъ великую радость, если подвижники Его съ воздержаніемъ и самособранностью выполняють взятый на себя подвигъ, „съ непоколебимою душою стоятъ среди опасности“ ² и не уклоняются ни на ту, ни на другую сторону соблазновъ плотн. Какъ воинъ, наконецъ, вѣрно и честно проведеній время своего служенія, удостоивается милостей царскихъ, въ родѣ, напр., того, что ему вручается предводительство надъ войсками, такъ и аскетъ, одержавшій полную побѣду надъ страстями, водворяется „въ домѣ Царя небеснаго“, получая отъ Него вѣнцы за прекрасныя заслуги ³.

III.

Разсмотрѣнныя, такимъ образомъ, аскетическія воззрѣнія св. Василія Великаго даютъ нѣсколько данныхъ для обсужденія и оцѣнки вышеупомянутыхъ мнѣній объ аскетизмѣ вообще и христіанскомъ въ частности.

Противники аскетизма, какъ совокупности извѣстныхъ благочестивыхъ упражненій въ борьбѣ духа съ плотію, въ число своихъ аргументовъ включаютъ то, что аскетизмъ—эгоистиченъ, направленный всецѣло на жизнь индивидуума, онъ есть плодъ самолюбія человѣческаго. Пусть такъ; пусть человѣкъ, проходящій подвигъ аскетизма, больше обращаетъ вниманіе на свою душу и ея страсти, но неужели въ этомъ вина? Неужели стремленіе очищать себя отъ всякихъ золъ и пороковъ есть неразуміе? Была бы, впрочемъ, доля правды въ сужденія противниковъ, если-бы аскеты, занимаясь исключительно со-

¹ *Ib. id.*—стр. 39.

² *Ibid.*—стр. 41.

³ *Ibid.*—40 стр.

бою, съ пренебреженіемъ относилсь къ своимъ ближнимъ и покидали ихъ на произволь судьбы, если-бы они, зарывшись въ себя самихъ, не думали выполнять миссіонерскаго призванія людей—быть просвятителями челоуѣчества или дѣломъ, или словомъ. Но подтверждаетъ-ли это взглядъ св. Василія на значеніе аскетизма?.. Напротивъ, разборъ этого послѣдняго вопроса показалъ намъ, что роль, какую должны играть аскеты въ жизни челоуѣчества, роль высокая. Они, повторимъ, свѣточи міра, напоминающіе намъ, что для насъ не совсѣмъ изсякла еще возможность къ нравственному совершенству. Если же скажутъ, что дѣйствительность не всегда оправдываетъ воззрѣній св. отца на значеніе аскетизма, что-де есть аскеты, съ презрѣніемъ относящіеся къ остальной братіи, то на это мы, подобно архимандриту Антонію и протоіерею Т. Буткевичу, отвѣтимъ, что надо истину отличать отъ лжи, нужно обращать вниманіе на принципъ, а не на примѣси недалекаго челоуѣческаго измышленія. Люди, гордящіеся своими подвигами, ложные аскеты; истинный аскетизмъ, напротивъ, сопровождается требованіемъ отъ своихъ послѣдователей смиренія и готовности служить ближнимъ. —Столько-же несостоятельно и то положеніе противниковъ аскетизма, что подвижники суть постепенные самоубійцы самихъ себя, такъ какъ они предаются неразумному воздержанію, часто въ ущербъ здоровью терпятъ холодъ и голодъ. Само собою разумѣется, и эта мысль можетъ въ доказательство свое указать нѣсколько фактическихъ данныхъ, но опять-таки вопросъ здѣсь въ томъ, что эти данные—истинное ли проявленіе аскетизма, или ложное? По воззрѣнію св. Василія на воздержаніе, они должны быть названы ложными. Мало того, что въ одномъ, нѣтъ, въ нѣсколькихъ мѣстахъ своихъ сочиненій, гдѣ ему приходилось говорить о воздержаніи, онъ всегда настаивалъ на томъ, что воздержаніе въ пищѣ должно сообразоваться съ организмомъ челоуѣка, съ его возрастомъ и положеніемъ или состояніемъ. Иное дѣло—дѣтя, другое—мужъ, другое дѣло—здоровое состояніе челоуѣка и совершенно иное—болѣзнь челоуѣка. Еще болѣе того: великую ошибку сдѣлаетъ подвижникъ, если, вопреки своему здоровью, будетъ мало или недоста-

точно употреблять пищи; тогда онъ можетъ дойти до того, что совершенно ослабитъ тѣло—это орудіе души,—и чрезъ это не будетъ въ состояніи продолжать своихъ подвиговъ.—Разсужденіе же противниковъ аскетизма о страстяхъ, какъ желательныхъ импульсахъ жизни, думается, и не требуетъ подобныхъ опроверженій. Это разсужденіе—абсурдъ, ясный самъ по себѣ. Вѣдь черезъ что льются потоки пота и крови, что служить источникомъ всевозможныхъ ненормальностей жизни, какъ не страсти,—вся дѣйствительность положительно стоитъ за это. Радоваться, поэтому, нужно, что аскетизмъ проповѣдуетъ искорененіе, или, по меньшей мѣрѣ, урегулированіе страстей, а не усиленіе ихъ.

Равнымъ образомъ не выдерживаетъ критикъ и то мнѣніе, которое набрасываетъ тѣнь на самостоятельность и оригинальность христіанскаго аскетизма, называя его копіею аскетизма буддійскаго. Мы уже имѣли случай упомянуть, что по характеру своему эти два рода аскетизма совершенно противоположны другъ другу. Именно—различіе ихъ между собою усматривается, въ томъ, что въ то время, какъ аскетизмъ христіанскій лозунгомъ своимъ поставляетъ *побѣду* духа надъ плотию, аскетизмъ буддійскій—простое *освобожденіе* отъ міра и его страданій. Повидному, понятія „побѣды“ и „освобожденія“ тождественны между собою, заключая въ себѣ будто одно и то же содержаніе, но въ сущности они глубоко различны. Дѣло въ томъ, что понятіе побѣды всегда содержитъ въ себѣ элементы мужества, господства и стойкости, не тотъ побѣдитель, кто съ трусливымъ настроеніемъ сердца отклоняетъ отъ себя опасность, а тому дается это почетное имя, кто съ мужественнымъ сердцемъ старается быть господиномъ своихъ враговъ, — между тѣмъ, понятіе освобожденія, по большей части, бываетъ чуждо элементовъ мужества и господства, освобождаться отъ опасности можно и чрезъ простое удаленіе ее отъ себя, или чрезъ отклоненіе себя отъ нее. Христіанскій аскетъ, поэтому, достигнувъ болѣе или менѣе высокой степени своего подвижничества, можетъ чувствовать въ себѣ, что онъ—побѣдитель страстей, напротивъ буддійскій факиръ скорѣе можетъ переживать въ себѣ то настроеніе, что онъ есть суще-

ство только отдаляющееся отъ міра и его страданій. Отсюда же выходитъ и то, что съ точки зрѣнія христіанства аскетизмъ бываетъ выполнимъ и въ мірѣ (вѣдь побѣда можетъ достигаться гдѣ угодно) и желательными для него бываютъ научныя данныя, напримѣръ, медицинскія, лишь бы они способствовали успѣху подвижничества; тогда какъ съ точки зрѣнія буддійскаго аскетизма жизнь въ мірѣ и занятіе положительною наукой предосудительны для аскетовъ, такъ какъ оно вводитъ ихъ въ круговоротъ страданій.—Но еще болѣе несостоятельность разсматриваемаго мнѣнія обнаружится тогда, когда мы обратимъ вниманіе на мотивы и цѣль того и другого аскетизма, то-есть аскетизма буддійскаго и аскетизма христіанскаго. По индійскому воззрѣнію мотивомъ аскетизма служить главнымъ образомъ понятіе о мірѣ и тѣлѣ, какъ злѣ самомъ въ себѣ. Не тѣ мотивы у св. Василія Великаго. Борьба духа со страстями и исконнымъ врагомъ рода человѣческаго во имя возобновленія живого союза съ Богомъ—вотъ истинное начало аскетизма христіанскаго, какимъ онъ вылился изъ устъ св. Василія. Правда, могутъ заподозрить насъ въ неискренности и подтасовкѣ сужденій св. отца, то-есть въ томъ, что излагая воззрѣнія Василія Великаго, мы коснулись только тѣхъ мотивовъ аскетизма, которые благоприятны для задачи нашей, и совершенно игнорировали тѣ, которые не соотвѣтствуютъ нашему намѣренію. Выразался прямо и кратко, насъ не прочь будутъ уличить въ томъ, что мы нарочно опустили взгляды св. Василія на міръ и тѣло человѣка, — взгляды, сущность которыхъ, быть можетъ, заключается въ томъ, что тѣло человѣка и міръ, по воззрѣнію св. отца, есть тоже зло само по себѣ, причиняющее намъ страданія. Во избѣжаніе такого недоразумѣнія, мы считаемъ необходимымъ подробнѣе остановиться на этомъ. Что дѣйствительно св. Василій смотрѣлъ на міръ не тѣми глазами, какими смотрятъ на него индійскіе факпы, это видно, во-первыхъ, изъ названія, какое давалъ ему св. отецъ, и во-вторыхъ, изъ его идеи о твореніи міра, вполне согласной съ христіанствомъ. Какъ грекъ по происхожденію и образованію, св. Василій называлъ міръ *космосомъ*, что особенно было свой-

ственно всей греческой націи Основаніемъ для такого наименованія служили—тотъ порядокъ, та гармонія, стройность и цѣлесообразность, которая господствуетъ въ мірѣ и которая совершенно изгоняетъ изъ нашей головы пессимистическія воззрѣнія на міръ, служа, напротивъ, источникомъ оптимистическихъ. Оптимистическій взглядъ на міръ еще болѣе укрѣпился въ сознаніи св. Василія Великаго, когда онъ тщательно изучилъ библейское сказаніе о твореніи міра (Шестодневъ). Это послѣднее сказаніе совершенно убѣдило св. отца въ томъ, что міръ, по происхожденію и цѣли своего бытія, какъ твореніе всеблагого Бога, есть добро, а не зло, и если зло и существуетъ въ немъ, то какъ явленіе случайное, а не субстанціальное, необходимое. На ряду съ идеею о твореніи міра св. Василій, подобно апостолу Павлу, присоединялъ къ своимъ мыслямъ еще идею объ искупленіи, которое простиралось не только на родъ человѣческій, но и на міръ физическій со всѣми его существами (Рим. VIII, 19—23).—Тотъ же характеръ, какой проходитъ въ сужденіяхъ св. Василія о мірѣ, слышится и въ его представленіяхъ о тѣлѣ, то-есть, слышится, что и тѣло не зло само по себѣ. Классическимъ мѣстомъ, подтверждающимъ эту мысль, служитъ его извѣстная аналогія, гдѣ онъ душу сравниваетъ съ возницей, а тѣло съ конемъ. Тѣмъ болѣе это мѣсто имѣетъ силу для насъ, что оно направлено противъ „ложнаго мнѣнія тѣхъ, которые худо думаютъ о тѣлѣ“¹. „Возлюбленный, прекрасная вещь—конь и чѣмъ онъ по природѣ рѣзвѣе и горячѣе, тѣмъ лучше; но нужно держать его въ уздѣ и править имъ, потому что не надѣленъ онъ разсудкомъ. Если же возница на немъ, то онъ попытается воспользоваться природными свойствами коня. Поэтому, если возница, какъ должно, распорядится стремленіями подъяремнаго животнаго, употребить его съ пользою для себя и достигнетъ предполагаемой цѣли, то и самъ останется въ цѣлости и животное окажется по употребленію очень хорошимъ. Если же возница худо править молодымъ конемъ, то конь неоднократно сбивается съ большой дороги, попадаетъ на дорогу

¹ Тв. св. Вас. Вел. V, 392 стр

непрѣзжую; низринувшись же съ стремлячи, увосить иногда съ собою и самага ѣздока, и нерадѣніе возницы подвергаетъ опасности обѣихъ. Такъ разсуждай о дупѣ по тѣлѣ. Тѣло получило естественныя стремленія, которыя не вовсе негодны, но, безъ сомнѣнія, на что-нибудь хороши и полезны; но оно не получило на свою долю разсудка, чтобы преимуществомъ разума почтена была душа. Если душа, какъ должно, распоряжается стремленіями тѣла, то и тѣло спасено и душа пребываетъ внѣ опасностей. Если же вознерадить объ управленіи и, объятая сномъ безпечности, перестаетъ держать тѣло въ уздѣ, то и само оно, какъ немѣющее разсудка, совращается съ прямого пути, и душу ввергаетъ въ равныя съ своими паденія, *не по собственному поврежденію, но по нерадѣнію души.* Ибо, если бы тѣлесныя страсти были таковы. что не могла бы укрощать ихъ душа, то по справедливости было бы виновато тѣло. Но если онѣ стали покорны многимъ, потщившимся преодолѣть ихъ; то тѣло не можетъ быть обвинено тѣми, которые стараются очернить его, называя первымъ виновникомъ порока; достойна же укоризны за нерадѣніе душа, ослабившая власть свою надъ тѣломъ, но также не по самой природѣ имѣющая въ себѣ зло, а поставившая себя во зло, чрезъ оскуднѣніе въ ней добра; потому что порокъ есть не что иное, какъ оскуднѣніе добродѣтели“¹. Вотъ слова св. Василія, изъ которыхъ видно, что въ его понятіяхъ и тѣни нѣтъ о томъ, будто тѣло есть зло само по себѣ! Сюда же относятся и тѣ мѣста въ сочиненіяхъ св. Василія Великаго, гдѣ онъ разсуждаетъ о чудномъ устройствѣ тѣла человѣческаго², объ участіи его въ будущей жизни, о томъ, что оно есть лучшее орудіе и средство, какъ для приобрѣтенія знаній о внѣшнемъ мірѣ, такъ и для проявленія дѣятельности души. — Послѣ всего сказаннаго было бы величайшимъ недоразумѣніемъ думать, что христіанскій аскетизмъ смотритъ на міръ и тѣло человѣка такъ же, какъ и буддійскій, то-есть считаетъ ихъ по природѣ зломъ, причпяющимъ намъ одни страданія, — этого воззрѣніа въ христіанствѣ нѣтъ, по нему все хорошо, что вышло изъ рукъ

¹ Ibid—V. 392—393 стр. ² Тв св. Вас. Вел. IV, 45—46 стр.

всеславаго Творца и что направлено къ прославленію всесвятаго имени Его. — Обращаясь, наконецъ, къ цѣли, которая преслѣдуется христіанскимъ аскетизмомъ, съ одной стороны, и буддѣйскимъ — съ другой. Нирвана — состояніе совершеннаго покоя безъ всякаго желанія бытія, состояніе, въ которомъ уничтожается все, что касается живого человѣка, — вотъ конечная цѣль буддѣйскаго подвижника. Но кто не увидитъ радикальной противоположности между этой цѣлью и цѣлью христіанскаго аскета, которая полагается въ живомъ союзѣ съ Богомъ, какъ источникъ всякаго бытія? Тамъ безчувственная, духовная смерть, здѣсь — всегдашняя и сознательная жизнь; здѣсь живой союзъ съ Богомъ, тамъ, напротивъ, погруженіе во что-то таинственное, самому подвижнику вовсе невѣдомое... Такимъ образомъ оказывается, что христіанскій аскетизмъ и аскетизмъ буддѣйскій есть не что иное, какъ два противоположные полюса, совершенно различные между собою роды жизни и по характеру, и по мотивамъ, и по цѣли дѣятельности. А это само собою ведетъ къ тому, что христіанскій аскетизмъ есть форма жизни вполне самостоятельная и оригинальная, и отнюдь не скопированная съ аскетизма буддѣйскаго. Последнее возможно было бы допустить лишь тогда, когда между нами усматривалось бы полное тождество, а такъ какъ этого тождества нѣтъ, то значитъ и утвержденіе, что христіанскій аскетизмъ есть копія съ аскетизма буддѣйскаго, представляетъ изъ себя плодъ лжи и самообмана.

Что касается аскетическихъ воззрѣній Вл. Соловьева, то относительно ихъ нужно сказать слѣдующее. Какъ плодъ философской и притомъ отвлеченно — метафизической мысли, эти воззрѣнія заслуживаютъ полнаго вниманія и по справедливости должны быть названы оригинальными. Въ самомъ дѣлѣ, берется весьма извѣстное чувство стыда, умѣло анализируется и — въ результатѣ получается выводъ самый убѣдительный, именно, что достоинство индивидуума надобно всеми силами охранять, а то, что осуждается внутреннимъ голосомъ человѣка, какъ недостойное его, должно всячески почитать... Та-

кая находчивость и работа ума встрѣчается рѣдко ¹. Но пную оцѣнку мы вынуждаемся дать „аскетическому принципу“ Соловьева, когда низводимъ его въ самую жизнь, поставляемъ его, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ самою дѣйствительностью. Тогда автономная аскетика Соловьева—безъ религиозныхъ элементовъ является предъ нами во всей своей недостаточности. Ахиллесовою пятою здѣсь служитъ вопросъ о цѣли борьбы между духомъ и плотію. Для чего и зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, подвижнику напрягать всѣ свои силы къ уничтоженію страстей, столь существенныхъ въ его существѣ? По Соловьеву тотъ отвѣтъ, что это надо для возвышенія своего личнаго достоинства; — отвѣтъ, безъ сомнѣнія, правильный. Но, дальше, зачѣмъ это личное совершенство? Конечно для того, чтобы не уподобиться животнымъ и главное—чтобы подавать ближнему хорошій примѣръ жизни и нравственнаго преуспѣянія; выводъ опять-таки правильный и прекрасный. Но умъ простираетъ свою любознательность все впередъ и впередъ; предъ его сознаниемъ невольно предносится мысль о смерти и вотъ онъ спрашиваетъ: итакъ, со смертью кончится моя аскетическая дѣятельность и, какъ капля въ морѣ, исчезнетъ въ вѣчности?.. Тутъ-то и обнаруживается слабая сторона аскетики Вл. Соловьева, не рѣшая этого вопроса, да и рѣшить этого она не могла, потому что авторъ ея, какъ послѣдователь Л. Толстого, излагая и выясняя свою аскетическую доктрину, выходилъ не изъ принципа смысла жизни, а изъ принципа блага жизни, желая, подобно своему учителю, чрезъ аскетизмъ достигнуть *лишь* того, чтобы „всѣ люди“ были „братья“, и всякій былъ „въ мирѣ съ другими, наслаждаясь всѣми благами міра тотъ срокъ жизни, который удѣленъ

¹ Правда, если перевести мысли Вл. Соловьева на языкъ Платона, то окажется, что онѣ не новыя. Такъ Соловьевское «достоинство» человека—«я» можно поставить въ параллель съ Платоновскимъ «разумомъ» (νοῦς), а отрицаніе этого достоинства—«не я» съ неразумными вожделѣніями» (τὸ ἀνοητικόν). Но проводя такую аналогію, все-таки не надо забывать того, что въ то время, какъ Платонъ разсуждаетъ объ эгихъ началахъ, какъ о готовыхъ даннхъ, Соловьевъ выводитъ ихъ изъ чувства стыда.

ему“¹. Между тѣмъ, какъ аскетика христіанская, напротивъ, на указанную проблему даетъ вполне удовлетворительный отвѣтъ. По воззрѣнію св. Василія, аскетическій подвигъ не уничтожается безцѣдно и безцѣльно, но, какъ переходная ступень, онъ даетъ возможность быть участникомъ небеснаго блаженства, поставляя человѣка въ живой союзъ съ Богомъ.

Точно также не можетъ быть поставленъ на одинаковую ступень съ христіанскимъ аскетизмомъ и аскетизмъ Шопенгауэра, — мало того, этотъ послѣдній совершенно долженъ быть игнорированъ въ пользу перваго, какъ родъ жизни пессимистическій, убывающій въ корнѣ жизненное настроеніе человѣка. Чтобы видѣть несостоятельность пессимистическаго аскетизма, мы не будемъ касаться основнаго метафизическаго ученія Шопенгауэра о волѣ, какъ источникѣ всякаго бытія, — это завлекло-бы насъ слишкомъ далеко, — но представимъ лишь въ возможно ясныхъ чертахъ то *самосознаніе*, которое переживается аскетомъ — пессимистомъ, и потому *сравнимъ* то самосознаніе съ самосознаніемъ христіанскаго подвижника. — Противорѣчіе бытія — вотъ источникъ пессимистическаго аскетизма. Замѣчательно, что противорѣчіе это усматривается аскетомъ — пессимистомъ положительно во всѣхъ условіяхъ своей жизни. Поразмыслить-ли онъ объ источникѣ своего бытія — о волѣ, вникнуть-ли въ свою душу и отношенія человѣческія, вздумаетъ-ли представить себѣ конецъ жизни, — вездѣ сталкивается съ однимъ разочарованіемъ, со всею силою гнетущимъ его. Воли представляется предъ нимъ въ образѣ грознаго и капризнаго мучителя рода человѣческаго. Не доставляя и не обѣщая никакого утѣшенія въ жизни, она злобно и ехидно смѣется надъ своими произведеніями, смотритъ на нихъ, какъ на игрушки, которыя доставивъ ей одно мимолетное удовольствіе, но не удовлетворивъ еѣ навсегда, должны быть оставлены на произволъ судьбы. Кровью обливается сердце пессимиста отъ такого сознанія; но еще болѣе разбрегается эта рана, когда онъ, на ряду съ указаннымъ со-

¹ Л. Толстой — Въ чемъ моя вѣра, 28 стр.

знаніемъ, нисходитъ въ глубь своего существа. Какъ утопающій, онъ радъ-бы найти въ себѣ какую-нибудь соломинку, которая, если-бы не спасла его, то, по крайней мѣрѣ, ледъяла его надеждою на успокоеніе. Но, — увь, — къ своему несчастію онъ находитъ тамъ вмѣсто друзей однихъ враговъ, въ видѣ, напримѣръ, страстей... Идетъ вмѣстѣ съ тѣмъ пессимистъ въ жизнь человѣческую, ища и здѣсь успокоенія и счастливой дѣятельности; но если гдѣ, то особенно въ круговоротѣ жизни, онъ во-очію убѣждается въ справедливости положенія, что homo homini lupus est. Всюду предъ нимъ разливаеся необъятное море страданій совершенно безцѣльных!.. Была-бы еще поддержка для аскета—пессимиста въ такомъ безотрадномъ его состояніи, если-бы онъ утѣшалъ себя мыслью о будущей загробной жизни, какъ мѣстѣ упокоенія и живого союза съ Богомъ, но, къ сожалѣнію, такого-то представленія въ его доктринахъ не имѣется: со смертію кончается все его существованіе, а что послѣ этого, о томъ не говоритъ его учитель. Вотъ съ такимъ то самосознаніемъ, съ такимъ-то взглядомъ на жизнь и приходится аскету—пессимисту проходить свое подвижничество: ни одной малѣйшей звѣзды, такъ или иначе успокоивающей его, кромѣ смерти, судьба ему не общаетъ.— Уже изъ этого краткаго описанія самосознанія аскета—пессимиста можно судить о прямой противоположности между аскетизмомъ шопенгауэровскимъ съ одной стороны, и—христіанскимъ—съ другой. Правда, по воззрѣнію Св. Василія Великаго, исходнымъ пунктомъ христіанскаго аскетизма является тоже сознание противорѣчія бытія и соединенное съ нимъ отрицаніе въ некоторыхъ условій существованія индивидуума (напр. страстей). Но то сознание противорѣчія бытія и соединенное съ нимъ отрицаніе его, какое мы узнаемъ изъ философіи пессимизма, существенно разнится отъ христіанскаго сознанія противорѣчія между идеаломъ и жизнью и въ силу этого отреченія отъ этой жизни. Тамъ, въ пессимизмѣ, отрицаніе бытія, такъ сказать, абсолютное, отрицаніе отъ самого бытія, преслѣдующее полнѣйшее оглужденіе отъ жизни и особенно отъ ея исочнаго начала—воли, здѣсь, въ христіанствѣ, напротивъ, отрицаніе носитъ на себѣ характеръ относитель-

ности. Христіанскій аскетъ не потому беретъ на себя *подвигъ аскетизма*, что онъ хочетъ въ корнѣ уничтожить жизнь, — такихъ пессимистическихъ стремленій въ христіанскомъ аскетизмѣ нѣтъ, — что потому, что онъ желаетъ приблизиться къ идеалу жизни, чрезъ отрѣченіе отъ своего естества тѣкъ примѣсей и несовершенствъ (страстей напр.), которыя препятствуютъ достиженію этого идеала. А такъ какъ идеаломъ христіанской жизни является вѣчная жизнь въ Богѣ, то отсюда, въ свою очередь, выходитъ, что христіанскій аскетъ имѣетъ въ будущемъ и пристань, къ которой онъ направляетъ свою утлую ладью, вопреки аскету — пессимисту, который ничего подобнаго ожидать не можетъ. Такимъ образомъ ясно, что между христіанскимъ и шопенгауэровскимъ аскетизмомъ лежитъ непроходимая пропасть, не позволяющая ихъ сближеніе, — и потому, въ высшей степени ошибочно поступаетъ нашъ вѣкъ, — вѣкъ нервозности и „вырожденія“, — когда позволяетъ себѣ очаровываться пессимистическимъ аскетизмомъ, — разумѣется на погибель себѣ.

Какъ не трудно вывести изъ всего вышеизложеннаго, общее сужденіе о христіанскомъ аскетизмѣ, какимъ онъ является у одного изъ представителей универсальной и спасающей „Силы Божіей“ — у Св. Василия Великаго, должно быть таково: а) аскетизмъ есть такая форма жизни, которая слагается изъ борьбы духа со страстями — и среди страстей человекъ живетъ, да является не рабомъ ихъ, а господиномъ, — б) въ силу этого онъ есть подвигъ воистинѣ разумный, нормальный и желательный; в) приводя человекъ въ живое общеніе съ Богомъ, онъ можетъ уживаться съ обоими состояніями перваго — и съ дѣвствомъ, и съ бракомъ, хотя дѣвство болѣе способствуетъ выполненію аскетическихъ упражненій, чѣмъ бракъ и г) наконецъ, возводя умъ человекъ къ идеалу жизни — небесному блаженству, аскетизмъ вмѣстѣ съ тѣмъ не пренебрегаетъ и земными условіями его существованія, именно — тѣми, которыя имѣютъ прямою своею цѣлью благо ближняго.

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте:
info@axion.org.ru